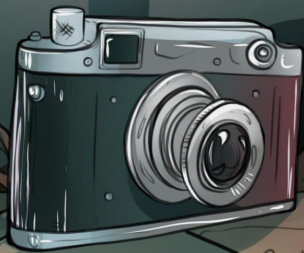

Евгения Левицки

Старая Кирха

Евгения Левицки

Старая кирха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69718351

SelfPub; 2023

Аннотация

Повзрослевший Ванька приезжает в глухую деревню под Петербургом. В детстве он любил там бывать, но теперь ему скучно. Коротая вечер, он садится на дедов велосипед и едет в соседнюю деревню, где находит руины лютеранской церкви. Туда же приходит девушка – местная ингерманландка. Между ними завязывается беседа. Теперь каждый вечер Ванька торопится в кирху, но девушка то приходит, а то нет...

Евгения Левицки

Старая кирха

Ванька раздосадованно провожал взглядом поля, мелькающие за окном душного автобуса. Вместо того, чтобы провести остаток лета в городе: играть в футбол на новом поле, ездить на речку и гулять с симпатичной однокурсницей Ленкой – он будет строить забор с дедом и разгребать хлам на его старой мансарде.

В детстве Ваньке нравилось в деревне. Бабулька угощала выпечкой и показывала, как заготавливать иван-чай, а дед научил ловить рыбу и делать свистульку из дерева, да и вообще с ним всегда было весело. Раньше. А теперь Ваньке почти девятнадцать: за спиной колледж, а впереди – армия. Одно радовало: из деревни можно в любой день сорваться в Питер! Он давно хотел смотаться туда без родителей. Часа два или два с половиной на автобусе, и Ванька сможет погулять по северной столице: тоску развеять да впечатлений набраться.

В последние годы в деревню Ванька не ездил, оставался дома на хозяйстве, но этим летом родители не смогли взять отпуск. Вместо себя решили отправить старшего сына, и Ванька нехотя, но согласился. В автобусе он пытался читать, но тот все время подпрыгивал на дороге, так что Ванька ограничился тем, что смотрел на пейзажи за окном да периодически отправлял смс Ленке. Отправлялись они долго:

связь на трассе была нестабильной.

Выехали рано утром, пока не жарко, а приехали после обеда – в самое пекло. Дед встретил его на остановке на стареньких «жигулях», и через пятнадцать минут они были у калитки. Дед заметно постарел с тех пор, как Ванька видел его в последний раз, года четыре назад. К серебряным волосам он давно уж привык, вот только теперь дед как-то осунулся, глаза из серых превратились в голубовато-водянистые, а пальцы скрючил артрит. Бабулька еще держалась, хотя все больше походила на даму эпохи Возрождения: белые густые волосы она собирала на макушке и аккуратно прикрывала платком так, что высокая прическа в сочетании с таким же высоким лбом казалась продолжением ее лица, а ее и без того бледные брови стали совсем незаметными. Ванька был и рад встрече, и огорчен одновременно: видеть, как твои родные стареют – больно.

Вскоре выяснилось, что мобильная связь в доме не ловит: сообщения, отправленные Ленке, так и остались в папке «исходящие».

– Дед, а как же ты нам звонишь? – спросил Ванька.

– По стационарному, – дед указал на советский дисковый телефон, – по нему и звоним. Не работают у нас тут сотовые, внучек.

– А на улице?

– И на улице. Вышки-то нет у нас. Это только в городе найдешь.

Услышав это, Ванька подскочил и со своей старенькой Nokia выбежал во двор, а затем на улицу, поднимая мобильник как можно выше над головой. Бесплезно, ни одной «палочки».

– Да как так-то? – рассердился он. – Вот это подстава!

Дед вышел следом.

– Мать не сказала? – догадался он.

– Нет!

– Ну да ничего, мы вот и без сотовых всяких жили...

– Ой, дед, ты не понимаешь!..

Едва сдерживая досаду, Ванька вернулся в дом. Мало того что этот август обещал быть невероятно скучным, так еще и связи с городскими теперь нет. Забудет про него Ленка, точно забудет.

Наутро устроили уборку в сарае. Ваньке казалось, будто они уже много часов ковыряются среди этой груды хлама, однако время в деревне ощущалось как-то по-другому: оно казалось тягучим, как жвачка. В полдень дед предложил устроить «сиесту» с лимонадом и летним душем прямо из садового шланга, а к вечеру вытащил из сарая старую «Каму» – тяжелый складной велосипед.

– Хочешь покататься? – спросил он.

– А «это» меня выдержит? – засомневался Ванька. – Я же его сломаю.

– Не сломаешь, он даже слона выдержит. Сейчас такие уже

не делают.

И действительно, после чистки и смазки велосипед оказался вполне рабочим, и у Ваньки появилась надежда: вечером можно скататься ближе к трассе, чтобы поймать там связь. Так он и поступил прямо после ужина. Захватив рюкзак, в котором были вода, телефон и компас, выданный де-дом на всякий случай, Ванька направился, как он это называл, на поиски признаков цивилизации. Велик и впрямь оказался крепким, хотя и немного непривычным, и Ванька невольно думал о том, что бы сказала Ленка, увидев его на таком древнем железном коне. Рассмеялась бы? Да, наверное. Она вообще больше предпочитает парней на автомобилях. Ванька понимал это, но уж больно она ему нравилась, так что уступать он никак не собирался.

Проселочная дорога сильно пылила под колесами «Камы», а мелкие камушки то и дело попадали в спицы и отскакивали от них, поднимая шум. На звуки сбежались местные псы и с радостным гавканьем последовали за Ванькой. Так они и двигались шумной процессией до самой трассы, поэтому Ваньке, прежде чем остановиться, пришлось проехать еще пару километров по ней, чтобы собаки окончательно отстали. Он снял со спины рюкзак и достал телефон. Тот почти разрядился из-за постоянного поиска сети. Ванька перезагрузил его и поднял как можно выше, но все оказалось бесполезно: связи так и не было. Отдышавшись и напившись воды, он выключил мобильник и убрал в рюкзак: толку от

него в этих местах никакого.

Злясь на обстоятельства, Ванька развернулся и поехал обратно. Дед ковырялся в кладовке на чердаке. Чтобы скоротать вечер, Ванька полез к нему. Там пахло сушеными яблоками и укропом. Дед услышал шум и выглянул из проема со старым фотоаппаратом «ФЭД-2» в руках.

– Произведен в пятьдесят пятом году! Я о таком только мечтал. А в шестьдесят восьмом мне его подарил один человек, – сказал он, вставляя кассету с пленкой. – Очень любил он эти места, много снимков наделал. Сейчас какие-то из них, говорят, в Ропшинском музее хранятся. Твой прадед был военкором, если помнишь, правда, снимал на немецкую «Лейку» – жаль, не сохранилась... Ну, а я просто увлекался фотографией. Долго хотел, но не мог тогда купить такого зверя, и тот человек обменял его на мешок картошки.

– Так подарил или обменял?

– Можно сказать, что подарил. Этот фотоаппарат стоил больше, чем я за него отдал. Весной дело было, он на посадку брал семенной картофель. Кивиннен его звали.

– Это картофель такой?

– Да нет, у парня этого фамилия Кивиннен.

– Гиви, – усмехнулся Ванька, – грузин, что ли?

– Не Гиви, а Кивиннен, – поправил его дед, – это финская фамилия. Кстати, именно он убедил меня остаться здесь, напомнил, что тут мои корни, моя земля, моя история. Мы ж с твоей бабушкой подумывали уехать как раз, а он нас пере-

убедил.

– Вот это Гиви вас подставил, конечно, – усмехнулся Ванька.

– Нет, он был прав. «Где родился, там и пригодился» – слышал поговорку? Все не просто так происходит. Все делается так, как надо.

«Все старики так говорят, – подумал Ванька, – потому что изменить уже ничего не могут».

– Не знал я, дед, что ты такой фаталист, – улыбнулся внук.

– Доживешь до моих лет, сам поймешь. А может, и раньше.

С этими словами дед передал фотоаппарат внуку.

– Теперь он твой! – торжественно сообщил он. – Это уже раритет, но я думаю, тебе будет интересно снимать на него.

Ванька взял аппарат в руки. Сбоку на нем была глубокая царапина.

– Ты поцарапал? – спросил он.

– Нет, был такой.

Вот и ответ, почему этот «Гиви» так снизил цену.

– А фотки как потом печатать?

– Я покажу тебе, – пообещал дед.

До ночи Ванька учился подкручивать объектив и наводить резкость и даже сделал несколько кадров. Фотоаппарат ему понравился: тихие деревенские будни теперь обещали стать чуточку интереснее.

На следующий день, в воскресенье, Ванька решил просто покататься, чтобы скоротать время до вечера. На всякий случай ехал помедленнее, чтобы не вызывать у местных собак азарт. Они встретили его ленивым лаем, но большинство теперь даже не поднялись со своих мест. Проезжая, он заметил уйму заброшенных домов и даже пару сгоревших. Многие участки заросли крапивой, полынью и люпинами, дома просели в грунт, а их деревянные веранды покосились. Деревня казалась совсем запущенной. Ванька любил заброшки, но эти выглядели как-то совсем уж непривлекательно, а кое-какие даже опасно: страшно заходить, как бы не рухнул потолок или не провалился пол.

Ванька ехал и рассматривал дома, пока не добрался до самой окраины. Здесь сильно пахло полынью, вдалеке квакали лягушки и стрекотали сверчки. Деревня закончилась, но грунтовая дорога продолжалась. Ванька взглянул на часы: только семь вечера, еще можно покататься до темноты. Минут через тридцать показались дома – начиналась другая деревня. Названия ее Ванька не знал, а указателей не нашел. Скорее всего, они есть на съезде с трассы, но Ванька заехал через поле. Тут было немного интересней: меньше брошенных домов, а кое-где даже виднелись коттеджи.

Доехав до кладбища, Ванька остановился: развернуться или еще немного прокатиться вперед? Кладбища ему никогда не нравились, а это – тем более: старое, заросшее, кри-

вое. Он проехал еще немного и остановился на перекрестке. Кладбище здесь заканчивалось, а дорога завершалась тупиком и разделялась на две. Ванька свернул направо и метров через сто на холме увидел большое разрушенное кирпичное здание: стены еще как-то держались, а вот крыша совсем обвалилась. По обломанной стенке над входом можно было сказать, что когда-то там возвышалась башня.

Ванька обрадовался и подъехал ближе. Здание явно было очень старое. Штукатурка местами обвалилась и обнажила аккуратную ровную кладку из красного кирпича, кое-где поросшую темным мхом, а высокие окна, хоть и тоже изрядно побитые, явно имели форму арок. Это была церковь. Ванька вытащил фотоаппарат и сделал пару снимков, после чего поднялся на пригорок, на котором она стояла, бросил велосипед на траву и заглянул внутрь. Перешагнув порог, он аккуратно вошел туда и, чтобы не пораниться о битые кирпичи и камни, внимательно всматривался в каждый обломок.

Внутри помимо стен почти ничего не осталось. Когда-то там, наверное, были скамейки для прихожан, иконы на стенах и пахло свечным воском, но теперь из-под кирпичей на полу выросли трава и молодые деревья. Ванька дошел до стены, противоположной входу, и выглянул в длинный высокий проем, что когда-то служил церкви окном. За ним простиралось кладбище: то самое, которое Ваньке так не понравилось, когда он ехал сюда. Он уселся на кирпичный подоконник спиной к погосту и закрыл глаза.

Это место понравилось ему. Не только потому, что он любил всякие развалины, а потому что впервые почувствовал эхо времен. Даже в старинных монастырях родного Великого Новгорода он не замечал ничего подобного. Какая-то благодать ощущалась в этом месте, и Ванька даже расстроился, что не может ни с кем разделить это чувство. На душе сделалось легко, и даже вчерашнее раздражение куда-то улетучилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.